

МЕТАФИЗИКА ЯЗЫКА КАК УЧЕНИЕ О ГЛУБИННЫХ ЗНАНИЯХ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

В.А. Маслова

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский проспект, 33*

Аннотация. В лингвистике заложены традиции, идущие от В. фон Гумбольдта, видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной сущности. В статье показано, насколько важно метафизическое учение о языке для выявления глубинных знаний о мире и человеке. Цель статьи – попытка исследовать глубинные и иррациональные аспекты языка, почти недоступные для рационального осмысления, но играющие огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации. В результате проделанной работы выявлена принципиальная глубокая связь языка с религией и метафизикой.

Ключевые слова: метафизика языка, глубинные знания, духовность, иррациональность, дух

Язык – это среда, в которой
объединяются «Я» и мир.

Ханс Георг Гадамер

Мы понимаем метафизику как учение о трансцендентном знании об основах бытия. Лингвистика – одна из фундаментальных наук, которая изучает не только структуру языка и его внутренние свойства, но и то, как человек пользуется языком. Традиционно человек считал, что изучать мир будет легче, если раздробить его на отдельные области. Но в реальности мир един. В истории науки были времена, когда боролись за чистоту науки, тогда приговором была сентенция – «это не лингвистика». Этим была больна лингвистика весь XX в.: язык, вслед за Ф. де Соссюром, предлагалось изучать «в самом себе и для себя», то есть отделенным от всех остальных явлений и процессов, происходящих с языком в обществе. Хотя еще ранее В. фон Гумбольдт утверждал, что язык – главнейшая деятельность человеческого духа, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия и познания. О языке, как «духовной деятельности», «имманентном произведении духа», который составляет саму природу человека, писал и Г. Шпет [1. С. 35]. Таким образом, в лингвистике заложены традиции видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной сущности.

Цель работы – попытка исследовать глубинные и иррациональные аспекты языка, почти недоступные для рационального осмысления,

но играющие огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации.

В.И. Постовалова отмечает: «Сам Гумбольдт считал непостижимой тайной, недоступной для аналитического мышления то, каким образом сливаются в единое целое язык и народный дух и как действуют в языке творческие первосилы человека и проявляются его глубинные возможности... В решении этих вопросов современная лингвистика, как и лингвистика В. фон Гумбольдта, остается на пороге непостижимого, не дерзая выходить за пределы собственно научного познания» [2. С. 78].

Думается, что современные интегративные науки, в основе которых лежит лингвистика (психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, нейролингвистика и др.), способны выйти за границы дозволенного – в трансцендентное.

На рубеже тысячелетий мы начинаем понимать, что дух нации не просто существует, но и в значительной степени основывается на исповедуемой народом религии. Религиозный фактор в жизни народов является настолько важным, что без учета его особенностей невозможно представить развития и становления культуры в целом. В связи с этим в современном языкознании всё больше внимания уделяется исследованию религиозно-конфессиональных элементов в языке: это работы В.И. Постоваловой, И.П. Черкасовой, М.Н. Бушаковой, С.С. Воронцовой, А.А. Бувеч и др.

В данной статье рассматриваются два подхода к проблеме трансцендентных смыслов в языке: 1) через духовность и дух и 2) через глубинные знания. Указанные подходы выделяются нами условно, чтобы было легче анализировать. В реальном языке они достаточно диффузны, часто пересекаются. Рассмотрим их подробнее с учетом того, что анализ названных подходов осуществляется с секулярных позиций, однако в значительной степени на нас влияет православно-христианское вероучение. Мы постоянно сверяем свое понимание с тем, как принято понимать и выражать это в православном конфессиональном вероучении.

В своих предвидениях новых путей в гуманитарном познании Ю.С. Степанов выделяет два основных направления: 1) введение в парадигму современного гуманитарного знания элементов авангардного стиля мышления, что позволит по-новому увидеть старые традиционные знания; 2) стремление ввести в парадигму элементы богословского мышления. Именно второе направление избрано в нашей работе, в которой акцентируется внимание в большей степени то на лингвистических, то на конфессионально-религиозных моментах.

1. Современный мир тонет не просто в фарисействе, а в пошлости масскультуры, злобе, вражде. По словам белорусского ученого и поэта И. Чароты, «к концу второго тысячелетия от Рождества Христова оказались мы во времени без памяти и Вечности, на земле без Неба, с просвещением без Света, образованием без Образа (Божьего – ВМ), духовностью без Духа Святаго...» [3. С. 6]. Выход из этой ситуации – в формировании духовного человека.

Человек же, как утверждают отцы церкви, – это образ Божий. Согласно учению великого философа и богослова П. Тейяра де Шардена, человек не может существовать независимо от своей души, душа возвышает человека: «Мы не должны забывать, что человеческая душа неотделима в своём рождении и созревании от Вселенной, в которой она появилась на свет. ...В каждой отдельной душе Бог любит и спасает целиком весь мир...» [4. С. 13]. Сделать душу человеческую чище, возвысить ее может вера, которая, по словам апостола Павла, есть уверенность в невидимом, непостижимом. Это свойство души, форма единения человека с Богом, которое может быть исследовано с помощью языка, например языка притч.

С человеческой душой говорит Господь на языке притч: «Иисус говорил народу притчами и без притчи не говорил им» (Мф. 13, 34–35). Господь дает нам понять, что язык притчи более действенен. Царствие небесное подобно «сокровищу, скрытому в поле, которое, найдя, человек утаил» (Мф. 13, 44). Здесь возникает картина, несводимая к поверхностному логическому объяснению, в ней несколько смысловых уровней, которые создают особый возможный мир: мирская реальность (поле) и мир иллюзий – найденные сокровища, которые есть своего рода пропуск в Царствие Небесное. Поэтому человек в радости готов отдать всё, лишь бы приобрести это поле и, в конце концов, найти дорогу к Богу для жизни вечной. Притча не дает эксплицитного наставления, а заставляет размышлять. Строится притча по следующей модели: ситуация (человек, обрабатывающий поле, находит сокровища) – вариант разрешения ситуации (прячет сокровища и покупает поле) и последствия этого – возможность заслужить Царствие Небесное. Здесь возникает нравственно-этический ребус, который позволяет увидеть за иносказанием глубинный смысл.

Все евангельские события, все деяния Господа становятся в свете притч символами спасения. Язык притч освящен Иисусом Христом, он делает человека более отзывчивым на Слово Божье. Получается, что притча – особый тип феномена сознания человека, она сопутствует человеку на всем его культурном пути, существуя параллельно с логическим, рациональным. Основная характеристика библейских притч – их глубинная мудрость, животворность и универсальность: в них даются вечные ответы на вечные вопросы. А без них возникает мертвая пустыня вместо «садов живых смыслов» (О. Николаева).

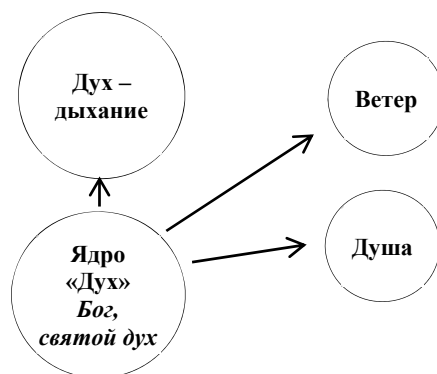
Проблемы аллегоричности притч, притч как жанра, их роли в релаксации исследуются философами, психологами, литературоведами и лингвистами – В.Н. Базылев [5]; Е.Ю. Балашова [6]; Л.Е. Берестовская [7] и др.

«Язык – это лабиринт путей», по Л. Витгенштейну, и важно, чтобы главным оказался духовный путь. Можно констатировать, что в наше время произошла потеря глубокого христианского смысла в лексемах *дух*, *душа*, в них перестали звучать сакральные смыслы – *Бог есть Дух и Отец духов* (Иоан. 4:24); сейчас эти слова понимаются лишь как психический мир, мышление, сознание, что искажает и обедняет восприятие данных сущностей, без которых нельзя понять ни великой духовной силы языка вообще, ни вселенской тайны мира.

Дух – теологическое представление из сферы богословия. Апостол Павел пишет: «Сам же Бог да освятит вас во всей полноте, ваш дух и душа и тело во всей целостности...». С точки зрения богословов, *душа и дух* – два начала человеческой сущности, позволяющие ей стать духовной. Но слова *дух и душа*, различаются: одно из них означает высшую (*дух*) сторону духовного начала, другое – низшую (*душа*); отсюда выражения: *духовный и душевный* человек (1 Кор. 2, 14–15), то есть человек, наделенный богодухновенными качествами, и человек, способный к сочувствию, сопереживанию.

Что по этому поводу говорит наш язык? Обе лексемы в языке многозначны. *Дух* – это: 1. Сознание, мышление, психические способности; начало, определяющее поведение, действия. *Материя и дух. В здоровом теле – здоровый дух*; 2. Внутренняя, моральная сила. *Поднять чей-то дух* (вселить бодрость, уверенность). *Душа* – 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание. *Радостно на душе*. 2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами. *Добрая душа* [8. С. 183]. Таким образом, согласно толковому словарю, и *дух и душа* – это составляющие *сознания* человека, то есть его внутренний психический мир. Для лингвистов особенно важен феномен *языковое сознание*, то есть то, как представлены в языке данные сущности, например, в устойчивых выражениях. В русском языке более пятидесяти выражений о *душе* и лишь около 20 с компонентом *дух*: *душа нараспашку* (об открытом и искреннем человеке); *выматывать душу* (досаждать жалобами, просьбами); *отводить душу* (находить утешение, радость); *душа не на месте* (выражает сильное беспокойство, тревогу) и т.д.; *не хватает духу* (мало смелости, решимости); *на дух* (не хотеть, не выносить); *не в духе* (в плохом настроении); *пасть духом* (унывать, отчаиваться); *как на духу* (откровенно, по совести). Как видим, фразеологизмы с компонентом *душа* и *дух* по семантике мало различаются, они выражают в основном чувства и эмоциональные состояния человека, но с компонентом *душа* – кратковременные и чаще позитивные эмоции, а с компонентом *дух* – более устойчивые, долговременные и чаще негативные психические состояния. Названные устойчивые выражения укладываются в схему смыслов, приведенных в словаре. Но на формирование языкового сознания влияет и богословское понимание данных сущностей.

Проведенный нами анализ богословской литературы позволил создать следующую модель ментальной сущности **ДУХ**:

В ядре сущности Дух лежит а) понимание его как Бога: *Бог есть Дух и Отец духов* (Иоан. 4:24; Евр. 12:9; б) Дух как **Святой Дух**: *Ты Свет и Истина, и Живот, и Тебе Славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу*.

В ближней периферии данного явления:

1. **Дух как духовное существо** «дух без костей и плоти» (Лук. 24:39). Здесь подразумевается личность, отделенная от тела (Евр. 12:23); и, наконец, *ангелы и злые духи – духи в темнице* (1 Пет. 3:19) (Евр. 1:14; Деян. 23:8; Лук. 7:21; 8:2).

2. Дух как **душа**: Дух апостола Павла «*возмутился*» *при виде Афин – города, полного идолов* (Деян. 17:16). Нам следует *сохранять свой Дух без порока* (1 Фес. 5:23) и т.д.

3. Дух как **дыхание**: *Дыхание, дух жизни от Бога у людей и животных* (Иов. 12:10; 27:3; Пс. 134:17); *испустить дух* (Мат. 27:50). *Тело без духа – мертво* (Иак. 2: 26).

4. Дух как **Ветер**: Иисус в разговоре с Никодимом говорит: «*Ветер, где хочет веет...*» (Ин. 3:8), он делает *ангелов Своих ветрами*.

В вышеприведенных примерах слово **дух** приближается по значению к слову **душа** только в низшем ее значении как противоположность плоти или телу, например, «*живая душа*». **Дух** как образ животворящего, всепроникающего начала всего сущего (*ветер; дышит, где хочет*); бессмертный дух у человека, живущий в нем (*дух как дыхание*). В этих значениях **дух** – это уже возвышенное, обозначает то же, что и **душа**: «*Душа Моя теперь возмутилась*» (Иоан. 13:21) и «*Иисус возмутился духом*». Но Библия показывает и различие между душой и духом (Евр. 4:12): душа – это сама личность, а дух – это основа для души, та внутренняя глубина человека, в которой живет Бог. Иоанн Крестьянкин писал: «*Действием Святого Духа и горением сердца к Богу земной человек преобразуется в духовного*» («*Познати на земли путь Твой*»). Дух – это дом, в котором пребывают Бог, Святой Дух и Слово Божие.

Дальняя периферия. Сюда мы относим философское понимание и словарное значение, отмеченное не в словарях атеистического советского времени, а, например, у В. Даля, где **дух** – это бесплотный житель недоступного нам духовного мира. Относя это слово к человеку, обычно разумеют душу его; некоторые видят в духе высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному: *Святой Дух, третье Лицо Св. Троицы. Дух Божий, вдохновение* и т.д. Русские философы считают, что **Дух** – это «*воля к совершенству*» (И. Ильин). Русский **дух** – это духовно-нравственная энергия, Боголюбие, добротолубие, способность жить идеалами, святынями, пребывая в особом блаженном состоянии. Такое понимание духа является традиционным для русской культуры.

Таким образом, русский человек – это духовное по своей сути существо, которое живёт не только *хлебом единым*, русский человек всегда *духовной жаждою томим*, многое он совершает бескорыстно.

2. В настоящее время ученые различных специальностей стали искать подходы к глубинному знанию и видят его на путях синтеза научного, философского, художественного и религиозного подходов. Их установка при

этом – целостное мировидение. Идет формирование *новой сферы знания*, для которой пока еще нет точного именованья. Ю.С. Степанов предлагал назвать ее «**новой всеобщей антропологией**». Мир – это единое целое, и подходить к его постижению нужно через язык, религиозное и художественное мировосприятие.

Фидеистическая теория языка имеет общегуманитарное значение. Через язык мы получаем большую часть наших знаний, в том числе знаний о вере. Формируются самые различные языки, или *планы*, как пишет архимандрит Софроний (Сахаров) в статье «Литургический язык»: «Язык человеческий предназначается для выражения реальностей различных планов: есть житейский план – естественных потребностей; есть близкий к нему и все же отличный – примитивных душевных чувств и страстей; есть язык политической демагогии; есть научный, философский, язык поэзии; наконец наивысший из всех – язык Божественного Откровения, молитвы, богословия и других отношений между Богом и людьми – Литургический» [9. С. 229].

Как считают сторонники фидеизма, наука исследует лишь факты, то есть вторичные проявления, но она не способна раскрыть первопричины, что подвластно лишь вере, но даже с ее помощью многое вообще непознаваемо. Например, непознаваема для человеческого разума тайна Троицы, непорочного зачатия, некоторые из Блаженств (блаженны нищие духом) и т.д. Язык – это духовная реальность. Традиционно считается, что язык – важнейшее средство общения, но при этом забывается, что общение с Богом здесь должно стоять на первом месте. Коммуникативная функция, думается, в языке вторична. Еще в прошлом веке Н. Хомский заметил, что язык не очень хорошо приспособлен для общения: в нем много диффузности, омонимии, многозначности, иносказательности. Если принять этот постулат, то первичной и важнейшей функцией языка должна быть сакральная функция – Богообщения. И тогда многое должно быть пересмотрено в теории языка. В общении человека с Богом и людьми «работают» разные функции. Как пишет протоиерей К. Копейкин, язык выполняет «функцию прикосновения к тайне, к изначальным глубинам бытия, открывая человеку и необычайную высоту мира горнего, и исключительную глубину внутреннего пространства человеческой души» [10. С. 4].

Таким образом, глубинные смыслы наиболее активны в текстах притч, Откровений, литургий и текстах других жанров религиозного дискурса. Религиозные смыслы – это смыслы, хранящие глубинные знания, которые можно назвать также трансцендентными. Но глубинные смыслы есть и в художественных текстах, и даже в обыденном языке.

Впервые о них заговорил В. Гумбольдт, который выдвинул ряд ключевых положений проблемы реконструкции смыслов, лежащих за пределами слова, то есть трансцендентных смыслов. При этом он заметил, что «язык не в силах выразить Несказанное, но он способен помочь в него проникнуть» [11. С. 378]. Позднее Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» писал: «В самом деле, существует Невысказываемое. ...Это мистическое» [12. С. 72]. О «сфере смутных представлений» писал И. Кант.

В.А. Звегинцев также считал, что язык «главный свой секрет прячет в подоснову, в далекие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы...» [13. С. 301]. Данный подход имеет научное объяснение. Так, по К.-Г. Юнгу, человек представлен четырьмя ипостасями: мышление, чувство, ощущение и интуиция. К.-Г. Юнг, рассматривая эволюцию человека, считает, что у первобытных людей преобладали чувственные реакции на мир. В наше время на первый план выходит интеллектуальный компонент. Иррациональному не остается места, и оно постепенно вытесняется в религию и поэзию. Верность данного объяснения подтверждается современными философами и лингвистами, которые считают, что познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра его психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы по данным образных систем (внешне проявляющихся в виде символов) человеческой психики с выходом на концептуальные построения языка» [14. С. 38].

Отсюда вывод: религиозные тексты предполагают целый ряд трансцендентных смыслов – смыслов, лежащих за пределами слова, они скрыты, но в них можно проникнуть через тонкий лингвокультурный анализ языка. Путь к исследованию глубинных знаний – это особое внимание к семантическим процессам, к тому, как ложатся на семантику языка наши знания о Боге и мире. В современном языке глубинные знания являют себя в «симфонии голосов прошлого» (В.Г. Костомаров), которые прорываются сквозь мифологизированное слово. Важно в этом смысле и построение предложения: *Он пригласил преподавателя, чтобы учить его*. Здесь не просто многозначность толкований этого предложения, а глубинная диффузность, обусловленная местоимением *он*. Или еще пример: *Все в руки шло, но шло из рук вон плохо*. Три знаменательных слова в первой части сложного предложения повторяются во второй части, здесь представлена игра слов (*шло в руки – шло из рук*), но во втором случае эти слова включаются в состав фразеологизма – *из рук вон плохо*, что вносит заключительный аккорд – «всё плохо».

Помимо значения в слове есть глубинные смыслы и имплицитная культурная информация. Например, вполне обычная с точки зрения синтаксиса фраза *Нечего раньше времени торопиться* не поддается логическому осмыслению из-за глубинных смыслов. Как это *раньше времени*? Какого времени? Алогичных выражений в русском языке много: *Руки не доходят!* (но ведь идут ноги); *Давай бери* (реплика в магазине). Имплицитные смыслы могут быть заложены даже на уровне морфемы – части слова: *чехи* и *вьетнамцы* – люди определенной национальности, а *чехи* и *вьетнамки* – обувь.

В слове может имплицитно содержаться качество называемого объекта, его характеристика, которая не позволяет развиваться широкой сочетаемости, то есть уменьшает валентность семантики слова, делая невозможными выражения типа: *палач угощает ребенка конфетой, великий писатель храпит*. *Палач* содержит в себе негативную коннотацию, а *великий писатель* позитивную, именно в этом ключе должна быть сочетаемость. Часто слова, образованные по одной модели, означают разное: *утренник* – мероприятие, *дневник* – книжка, *вечерник* – студент, *ночник* – лампа.

Часто глубинные смыслы возникают на основе культурной информации, спрятанной в словах и выражениях. Так, фразеологизм *выносить сор из избы*, который был блестяще проанализирован В.Н. Телия, показывает, что именно знание культуры позволяет объяснить, почему позитивное действие – избавление от мусора – имеет негативную коннотацию: *выносить сор из избы* – ‘это плохо’. В древней славянской культуре (сохранившейся в поверьях) считалось, что вынос сора из дома ослабляет проксимальное пространство семьи, делает ее уязвимой для темных сил. До сих пор мы все помним наказания наших бабушек не выносить мусор вечером.

Вывод. Сказанное позволяет нам увидеть новый виток антропоцентрической парадигмы, приближающий ее к **теоантропокосмической** как парадигме будущего, о которой писала В.И. Постовалова [15]. Побеждает теоантропокосмизм, который зародился в России в конце XIX в. и при котором человек перестает быть центром мироздания. Теперь человек начинает видеть свое место не над природой и миром, а внутри них. Патриарх Русской Православной Церкви Кирилл сказал, что любое научное построение, в центре которого стоит человек, а не Бог, обречено. Следовательно, если в западноевропейской философской традиции важным является антропоцентризм, при котором главной ценностью считается человек (отсюда возникновение «гуманистической лингвистики» (Дж. Лакофф), изучающей «человека говорящего», «языковую личность»), в русской традиции в центре стоит высочайшая трансцендентная ценность – Бог, в скором времени она будет дополнена такой важнейшей ценностью, как Космос (Вселенная). Уже открыт закон Всеединства и цельного знания, в этом русле развивалась вся русская религиозно-философская мысль дореволюционного периода. Поэтому именно русская лингвокультура готова к такому объединению Божественной теории, теории языка, теории человека и теории Вселенной.

Теоантропокосмическая парадигма знаний позволяет увидеть человека в новом свете. Так, если при традиционном подходе человек рассматривается только в «горизонтальном» (земном) плане, то в новой парадигме человек предстает стремящимся вверх, к Богу, то есть в вертикальном плане бытия: «...в его принадлежности антропокосмической и, в пределе, – теоантропокосмической («Бого-человеко-космической») реальности» [16. С. 121]. В перспективе фидеистической теории языка – построение модели религиозной языковой личности на материале религиозной коммуникации.

Представления о Боге, Духе, душе, вере определяют важнейшие способы взаимодействия человека с миром, а познаются и регулируются они с помощью языка, в котором, по словам П.А. Флоренского, «заложено объяснение бытия» [17. С. 143]. Следовательно, постулируется принципиальная глубокая связь языка с религией и метафизикой.

Литература

1. Шнем Г.Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. Иваново, 1999.

2. *Постовалова В.И.* Язык и миропостижение: философия языка В. фон Гумбольдта и когнитивная лингвистика // С любовью к языку: сборник научных трудов: Посвящается Е.С. Кубряковой. М.-Воронеж, 2002. С. 72–89.
3. *Чарота И.* Слово и Дух: антология русской духовной поэзии (X–XX вв.). Минск: Издание Свято-Елисаветинского монастыря, 2005. 703 с.
4. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека: [сб.]. М.: АСТ, 2002. 554 с.
5. *Базылев В.Н.* Притча: переосмысление жанра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 222–228.
6. *Балашова Е.Ю.* Речезанровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 55–59.
7. *Берестовская Л.Е.* Библейские притчи в контексте религиозной когнитологии // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. Пятигорск, 2000. № 2. С. 60–63.
8. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: ИНФОРТЕХ, 2009. 944 с.
9. *Софроний (Сахаров).* Подвиг богопознания: Письма с Афона (к Д. Бальфуру). М., 2002.
10. *Копейкин К.* На каком языке говорит с нами Бог. СПб., 2005.
11. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985.
12. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
13. *Звегинцев В.А.* Предложение и его смысл. М.: МГУ, 1976.
14. *Берестнев Г.И.* Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков. Липецк, 2017. С. 7–25.
15. *Постовалова В.И.* Символ и реальность (семиотические воззрения и опыты Ю.С. Степанова) // Критика и семиотика. Вып. 17. 2012. С. 48–63.
16. *Постовалова В.И.* Религия, наука и философия в концепции цельного знания А.Ф. Лосева / В.И. Постовалова // Христианство и наука: сборник докладов. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2003. С. 114–166.
17. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) / П.А. Флоренский. Т. 2. М.: Правда, 1990. 446 с.

METAPHYSICS OF LANGUAGE AS A TEACHING ABOUT DEEP KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD AND MAN

V.A. Maslova

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovskiy Avenue, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus*

Abstract. In linguistics, there are traditions coming from W. von Humboldt, to consider language not just as a system of signs or an instrument of cognition, but also as a spiritual entity. The article shows the importance of metaphysical teaching about language for revealing in-depth knowledge about the world and man. The purpose of the article is to explore the deep and irrational aspects of the language that are almost inaccessible for rational comprehension, but they play a huge role in the formation of the spirituality of both an individual and the spiritual code of a nation. As a result, we were able to identify the fundamental deep connection of language with religion and metaphysics.

Keywords: metaphysics of language, deep knowledge, spirituality, irrationality, spirit.